

ТАТЬЯНА РИЗДВЕНКО

ПИКНИК

За что случился с нами этот пир
среди посторонних дев, дерев и дыма?..
Сначала выпивали, онемев,
затем плясали, радовались мнимо.

Потом уже не мнимо. Обнима-
лись лев и козерог, лиса и заяц.
Я помню удивление свое
внезапное - что это? - вокзалец?
Диковинная всякая еда
то булькала, то нежно золотилась.
Заплакали - за что нам и когда
закончится, и только бы продлилось.
Безумье - вот точнейшее из слов.
Мы приглядели маленького фавна
в очках, как помню, темных и в речах,
звучавших обольстительно и плавно.
И только бы не думать о вчера
и завтра, и в гремучую воронку
со смехом усвистеть, теряя все -
ключи, бумажник, хрящик, перепонку.

1996

* * *

Пафос честности и веры
желчь во мне не всколыхнул.
Даже мой дружок суровый
шею тонкую тянул -

как подсолнух за светилом,
как народы за вождем,
как зеленая поганка
за бриллиантовым дождем.

С восемнадцатого ряда
так была она юна,
что приблизившись и ахнув,
я решила - не она.

Полудетскими стихами,
многомудрую душой
не скажу, что оглушила -
след оставила большой.

След от ветхого тапчонка,
благодарность за порыв,
за открывшийся на сердце
пламенеющий нарыв.

1997

* * *

Наш милый друг совсем не изменился,
не залоснились строгие черты:
ни алый рот, ни круглые очки,
ни маленькие белые персты.

Оставь свои вакхические штучки,
все те же, неизменные как пи.
Подай ему суставчатую лапку
и щеку пожелтевшую подставь.

Мы славно пили в мастерской у друга.
Не доставало дня до двадцати...
На сундуке окованном огромном
ты навсегда невинность соблюла...

Ни старенькая девушка-подруга,
ни молодой небритый гениал
меня не удержали от уехать
в Подлипки темные, в холодное гнездо.

1996

* * *

Ничейные собаки, дети мира,
несу вам сухожилий и костей,
несу вам в целлофановом пакете,
как вестник положительных вестей.

Я вам несу свое пустое время,
коровью сытость,
сучью вялость дней.
Лижите, благодушные создания,
моих локтей, ладоней и перстней.

глядели пустотелыми глазами
на быстрый нож, -

что вызвало потоки гормональных
физических страдательных страстей
во мне, бредущей в сторону собачью
с букетом сухожилий и костей.

1996

ИЗ ЦИКЛА "СЕЛЬСКИЕ МОТИВЫ"

Ввалилось стадо шахматных коров,
на наш заветный пляж пришло напиться,
вошло по грудь. Вода из берегов
приподнялась, готовая пролиться.

Вошли и встали: черное кино
и белое кино, в обратных брызгах.
Наш милый пляж! - нам сделалось дрянно,
брезгливо, тошно, - и дошло б до визгов,

когда б не красота тугих коров,
не грация ленивая, тупая,
когда б не сотня их добрейших ртов,
берущих воду, жажду искупая.

Мы - злые дети, тети на своих
взъерошенных махровых полотенцах
завороженно пялились на них,
гармонии бессмысленных младенцев.

* * *

Вот головы ничтожная болезнь,
а сколько вызывающей истомы,
примет смертельных, смертного озноба
во мне, переживающей мигрень.

Остановиться способ и застыть,
из круга выйти, вышагнуть, извлечься,
и разложить себя на простыне
в простом и аскетическом порядке.

Вот бледное чело, где смертный пот
раскинул свои бисеры и бусы;
вот слабенькая левая рука,
вот правая рука, вот остальное.

Ступай на службу и оставь меня
укачивать чугунные болванки:
одну в затылке, две под правым ухом,
под темно-русой сферой головы.

Увидеть столько снов и полуснов
в один сеанс одних апрельских суток,
и столько тихой жалости к себе
адресовать - единственной, болезной.

Воспрянуть к четвергу, где на рассвете
тайнственно пойдем за красной глиной,
себе ее накупим, накопаем
так килограмм не меньше семисот.

* * *

Черна, жирна лежит природа,
вся разметавшись, как дитя.
Весна - я думаю пространно,
в полметре над землей летя.

Влюбленных дев самозабвенных,
и невлюбленных грустных дев
стоят отдельные фигуры,
собой небо подперев.

Апрель в тревожном платонизме
треножит страсти и слова.
Болтается на стебле шеи
бессмысленная голова.

Какое счастье - благодушно
взирать на токи этих сил,
попытки первого цветенья
и возмужание светил.

И день силен и полновесен,
и ночь настолько коротка,
что утром приникаю к стеклам,
не сняв ночного колпака.